

Джонатан
Барнс

Дитя
Дракулы!

АЗБУКА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Б 25

J. S. Barnes
DRACULA'S CHILD

Copyright © 2020 by Jonathan Barnes
This edition is published by arrangement with Conville & Walsh UK
and Synopsis Literary Agency
All rights reserved

Перевод с английского Марии Куренной

Оформление обложки Егора Саламашенко

Иллюстрации Виталия Еклериса

ISBN 978-5-389-20446-1

© М. В. Куренная, перевод,
примечания, 2023
© В. В. Еклерис, иллюстрации, 2023
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

Предисловие составителя

Первые двенадцать лет своей жизни я пребывал в практически полном неведении относительно событий, непосредственно предшествовавших моему рождению. Хотя детство мое было преимущественно счастливым, над ним постоянно витала гигантская незримая тень некоего прошлого, детали и подробности которого от меня тщательно скрывались.

Нижеследующие документальные свидетельства ясно отражают болезненный процесс установления правды и воссоздают поистине кошмарную историю, которую многие мои близкие долго считали навек погребенной в прошлом. Вероятно, скептики скажут, что иные из странных событий и фактов, описанных в данном собрании дневниковых записей, газетных вырезок, телеграмм и писем, противоречат научному знанию двадцатого века.

Вы можете также задаться вопросом, почему вдруг я решил, что именно сейчас, спустя десять с лишним лет, самое время подготовить эти материалы к публикации. Пока достаточно будет сказать, что с недавних пор я, вопреки всякой надежде и здравому смыслу, все сильнее убеждаюсь: призрак, столь долго преследовавший мою семью, в том или ином обличье обретается среди нас и сейчас, когда вся Европа вопиет от боли и горя.

*Лейтенант Квинси Харкер
Дувр. 13 октября 1914 г.*

Пролог

Дневник Мины Харкер

6 ноября 1903 г. Много лет минуло с тех пор, как у меня в последний раз возникло желание поднести перо к странице этого скромного дневника. Отчасти такое небрежение объясняется эйфорическим счастьем, неотступно владевшим мною все годы, пока наша маленькая семья — Джонатан, Квинси и я — росла и процветала. Хлопотные обязанности жены и матери естественным образом препятствовали мне писать каждый день.

Однако есть и другая, более основательная причина моего долгого молчания: само ведение дневника стало у меня связываться исключительно с трагическими событиями, постигшими нас десять с лишним лет назад, — страшными событиями, что забрали у нас наших дорогих друзей, Люси Вестенра и отважного американца, в честь которого назван наш сын, и свели нас с безжалостным существом, чье имя я никогда не упомяну здесь.

Очень долго я гнала прочь всякие воспоминания о тех ужасных месяцах. Я знаю, Джонатан полностью разделяет мои чувства, хотя мы с ним редко говорим об этом — по крайней мере с тех пор, как наш сын вышел из младенчества. Очень долго мы предпочитали жить только настоящим и смотреть в будущее, говорить о солнечном лете, а не о суровой зиме.

Однако так же, как нельзя остановить поступь времен года, нельзя и навсегда сохранить в тайне нашу историю.

Боюсь, вернуться к дневнику меня заставила трагедия — трагедия, случившаяся всего пару часов назад, в самом конце вечера, который должен был ознаменоваться лишь всеобщим хорошим настроением: щедрым весельем и тихой радостью. Печальный смысл моих слов станет понятен в самом скором времени.

День наш начался наименее приятным образом. Поскольку нынче день рождения Квинси, мы с самого утра осыпали его всевозможными знаками любви и нежности. Хотя наш мальчик вступает в трудный возраст между детством и зрелостью, все же он пока еще достаточно юн, чтобы наслаждаться подобным вниманием к своей персоне. Наше счастье, что сейчас короткие осенние каникулы и он с нами. Я грущу о нашей с ним скорой разлуке, а Джонатан (без особой убежденности, впрочем) упрекает меня в излишней чувствительности.

Ближе к вечеру мы трое отправились на долгую извилистую прогулку по окрестностям деревни¹, ставшей нашим домом. Мы с Джонатаном радовались возможности подышать свежим воздухом и размять ноги, а Квинси, необычный во всех своих проявлениях и ко всему чуткий, казалось, был вдохновлен красотами пейзажа, известная дикость которого находит отклик в его пылкой душе, унаследованной, вне сомнения, от родителей. При всей нашей внешней респектабельности в нас живет богемный дух, отличающий нас от большинства наших друзей и знакомых.

Мы шли тенистыми тропами, пересекали журчащие ручьи, огибали фермерские поля и неспешно проходили через рощицы и остатки старого леса. Возвращались мы в деревню другой дорогой, пролежавшей мимо места, где накануне наши односельчане отмечали ночь Гая Фокса. Мы к ним не присоединились: у Джонатана слабые нер-

¹ Шор-Грин, Оксфордшир.

вы, и шумное веселье, рев и треск пламени, да и сам почти языческий обряд сжигания чучела очень тяжело на него действуют. На первых порах нашего супружества в подобной обстановке он делался совсем плохой (здесь, в своем дневнике, я могу признать это, все равно ведь никто никогда не прочитает), но в последние годы его душевное состояние медленно, но верно поправляется.

Полагаю, Квинси ночное представление понравилось бы. Сама я ничего не имею против такого рода невинных развлечений, и, боюсь, из-за постоянных отказов в них участвовать мы выйдем в глазах окружающих высокомерными снобами. Однако ради моего мужа мы продолжаем отклонять подобные приглашения.

Пока мы шагали мимо громадного черного кострища, ни словом не помянув вчерашнее празднество, Джонатан с преувеличенным вниманием взгляделся в даль и обронил замечание по поводу стайки скворцов — мол, летят как-то необычно. Квинси подыграл отцу, любезно изобразив интерес к орнитологическим вопросам, а я помалкивала и думала о том, как здорово было бы вчера смешаться с праздничной толпой и разделить общее ликование и веселье.

По возвращении домой мы вручили Квинси подарки — томик стихотворений мистера Лира, новый темно-голубой костюм и (уступив наконец многократным просьбам) маленького рыжего котенка, вызвавшего у него неподдельный восторг.

Он назвал нового питомца — непонятно с чего — Огюстом и незамедлительно принялся воспитывать из него верного друга. При виде радостного оживления Квинси, совершенно для него нехарактерного, мы с Джонатаном довольно переглянулись. Несколько секунд мы многозначительно смотрели в глаза друг другу, и я даже почувствовала — впервые за долгое время — внезапный прилив

желания. Муж улыбнулся, словно поняв или, по крайней мере, заподозрив, о чем я думаю. Сейчас, когда наш сын возился с Огюстом, а в нас с Джонатаном вновь пробуждалось взаимное влечение, казалось, будто все у нас еще может быть хорошо, будто такое вот благодное спокойствие может продолжаться вечно.

Пока я предавалась подобным мыслям, пока Квинси гладил крохотную уязвимую головку котенка, а Джонатан и я с полусонным вожделением смотрели друг на друга, за окнами начало темнеть. Сгущались вечерние тени.

Первый из приглашенных прибыл с наступлением сумерек — наш славный Джек Сьюворд, все такой же образцовый джентльмен, каким был всегда, разве что он несколько располнел и обзавелся густой сединой на висках за время, прошедшее с нашего знакомства в прошлом веке, когда Квинси еще и в проекте не было.

— Моя дорогая миссис Харкер! — торопливо, чуть сбивчиво заговорил он, входя в гостиную в сопровождении служанки. — Извините, бога ради, за раннее прибытие, я умудрился неправильно рассчитать время пути до вашего очаровательного местечка.

— Ну полно вам, право! — Я встала, чтобы поприветствовать гостя. — Добро пожаловать, мистер Сьюворд. Ваше прибытие, сколь угодно раннее или позднее, всегда повод для праздника.

— Но сегодня отнюдь не главный, полагаю. — Он вынул из-за спины небольшой сверток в красной бумаге. — С днем рождения, Квинси!

Наш сын вскочил на ноги. Еще недавно Джек шуточно взъерошил бы мальчику волосы, но теперь они двое с комической серьезностью обменялись рукопожатием.

— Спасибо, сэр. Вы очень добры, что помните.

Квинси развернул сверток, в нем оказался экземпляр «Происхождения человека» мистера Дарвина. Наш сын

не по годам умен и серьезен, но сдается мне, штудировать подобные труды ему рановато.

— Уверен, ты найдешь книгу преинтересной, — заявил Джек. — В ней рассказывается о взаимосвязи всех форм жизни. Об эволюционных процессах. И о сущности хищничества.

Квинси еще раз вежливо поблагодарил его, но почти сразу отложил книгу в сторону и снова стал ласкать котенка, который мяукал и вился вьюном от удовольствия.

— Предлагаю чего-нибудь выпить, Джек, — подал голос мой муж, и они двое принялись обсуждать различные вина, каковой разговор здесь пересказывать нет необходимости.

Джек далеко не всегда приятен и прост в общении, а потому я обрадовалась передышке. Джонатана любые светские обязанности изрядно тяготят, и при виде графина и бокалов на лице его явственно отразилось облегчение.

Мы, трое взрослых, каждый с бокалом вина в руке, несколько минут стояли, наблюдая за Квинси и котенком.

Джонатан, ставший более общительным под действием алкоголя, для поддержания беседы поинтересовался состоянием врачебной практики Джека, которую тот нынче держит на престижной и, надо полагать, весьма прибыльной Харли-стрит.

— О, работа у меня небезынтересная, но довольно однообразная, — ответил доктор Сьюворт, прихлебывая вино такими же мелкими частыми глотками, как и мой муж. — Видите ли, в силу запредельной стоимости моих услуг все мои пациенты принадлежат к одному определенному общественному слою.

— Вероятно, вам приходится иметь дело с несносными богатыми истеричками? — сказал Джонатан проникновенным тоном, совсем ему не свойственным. — Взбалмошными графинями с растрепанными нервами? Пожи-

лыми герцогами, которые желают подвергнуться гипнозу, чтобы вернуть себе хоть каплю былой энергии и силы?

Джек натянуто улыбнулся:

— Вы ближе к истине, чем думаете.

— Ах, бросьте, — вмешалась я. — Не скучаете же вы по дням своей работы в лечебнице для душевнобольных.

Доктор Сьюворд немного помолчал с отрешенным видом, потом опять улыбнулся.

— По известным трудностям того времени я, разумеется, ничуть не скучаю. Но вот по отдельным элементам прошлого — да, бывает, скучаю. — Он нахмурился, словно вспоминая. — По интереснейшим проблемам и задачам, встававшим передо мной. И еще, пожалуй, по внутренней убежденности, что жизнь человеческая имеет... смысл. — Он перевел взгляд на Квинси, по-прежнему поглощенного возней с котенком, и его лицо — несомненно, бессознательно — приняло выражение глубокой печали и сожаления.

Наступившее молчание прервал отрывистый стук в дверь, и мгновением позже служанка ввела в гостиную двоих следующих наших гостей, лорда Артура и леди Каролину Годалминг.

С их появлением атмосфера заметно разрядилась. Артур, как и подобает человеку с его положением и образованием, всегда излучает вежливое дружелюбие и вдобавок обладает редкой способностью успокаивать любые души — кроме разве что пораженных тяжелым недугом. Едва он вошел, в комнате вспыхнуло оживление: приветствия, поздравления, объятия, поцелуи. Все очень мило и непосредственно, даже Джонатан, казалось, проникся общим настроением.

Кэрри, обворожительная и изысканно одетая по последней моде, была воплощение изящества. Да, она преодолела все недостатки и изъяны своего воспитания и стала Артуру превосходной женой, лучшей и не пожелаешь.

Бедная Люси порадовалась бы его выстраданному счастью. Мне нравится думать, что сейчас она смотрит с небес и улыбается, видя, что человек, которого она любила всем своим нежным юным сердцем, в зрелые годы обрел наконец полную меру радости.

Несколько минут прошло в такой вот веселой суете. Джонатан опять налил всем выпить, и Квинси тоже получил небольшую порцию вина, сильно разбавленного водой. Зазвенели бокалы, все наперебой выражали радость от встречи, ведь мы так давно не виделись.

Возбужденный приятной кутерьмой, Огюст нервно крутился у нас под ногами. Мы были настолько поглощены моментом, что не замечали прибытия нашего последнего гостя, пока тот не переступил порог гостиной и не вскричал с шутивным гневом:

— Это еще что такое? Как вы посмели начать празднование без меня?

— Профессор! — воскликнула я, и остальные хором подхватили мой возглас.

По ряду причин, вдаваться в которые мне не хочется, рядом с профессором Абрахамом Ван Хелсингом я всегда чувствую себя в полной безопасности. Я, как девчонка, кинулась в его медвежьи объятия, совсем не заботясь о приличиях, и с наслаждением вдохнула знакомый уютный запах, от него исходящий.

Джонатан тоже обнял профессора, по-мужски коротко, и Артур последовал его примеру. Даже Джек расплылся в улыбке, обмениваясь с ним рукопожатием, а Квинси подбежал к старому голландцу вприпрыжку от радости, словно он малый ребенок, а не серьезный мальчик на пороге отрочества.

Профессор так и сиял.

— Какой радушный прием! Как приятно снова видеть вас всех в этот знаменательнейший день, в эту особую, поистине замечательную годовщину!

Он перевел дыхание, прежде чем продолжить, и в возникшей паузе перед моим внутренним взором, подобно кадрам киноленты, пронеслись картины, виденные мною в этот самый день тринадцать лет назад: темные стены Трансильванского леса, дорога к замку, бешеная гонка к воротам, шайка цыган с их смертоносным грузом, финальная схватка с ...¹ и жертвенная гибель нашего американского друга, когда глаза того монстра наконец погасли навек.

Думаю, профессора посетили примерно такие же мысли. Он молчал так долго, что всем стало немного не по себе.

— Под упомянутой годовщиной, — спохватившись, договорил он, — я подразумеваю, конечно же, день рождения нашего юного друга, мастера Квинси Харкера!

Все заплодировали — мне показалось, с облегчением. Не знаю, в какие части своего прошлого Артур посвятил Кэрри, но полагаю, что о многих вещах он умолчал — и правильно сделал, если учесть ее собственную историю.

Квинси пока еще ничего не знает. Мы решили до поры до времени ничего не рассказывать ему об обстоятельствах, при которых его родители и их друзья — наш маленький отряд воинов света — впервые сошлись вместе. Сегодня вечером, когда профессор завершил вышеприведенную тираду, я увидела в обращенном на меня взгляде сына что-то похожее на сомнение, даже подозрение. Однако напряженный момент миновал, и праздничная атмосфера возобновилась.

Мы оказывали всяческое внимание Квинси и за ужином, поскольку сегодня ему впервые было позволено допоздна сидеть за столом со старшими. Котенок, как мы ни гнали его прочь из комнаты, все же прокрался к сво-

¹ Одно слово здесь вымарано столь густо, что бумага вспузырилась и порвалась.

ему новому хозяину и еще с полчаса резвился у него на коленях. А потом, изнузив свое крохотное тельце, там же и заснул крепким сном.

Многие родители такого не допустили бы, но сегодня все-таки у нашего сына день рождения, и я решила: да и бог с ним, ничего страшного. Будь сейчас у меня возможность вернуться на несколько часов назад, я бы, разумеется, рассудила иначе.

Стол ломился от блюд, вино было превосходное, и, глядя вокруг, я думала о том, сколько же счастья выпало мне в жизни и как многочисленны и разнообразны блага, мне посланные. Сегодня каждый из нас активно поучаствовал в разговоре, каждый получил свою долю внимания, и на протяжении всего ужина в нашей маленькой компании царило идеальное равновесие.

— Артур, — заговорил Джек, как только нам подали еду, — я часто читаю в газетах о твоей деятельности в палате. Скажи, как продвигается твоя борьба за перевод этого учреждения на рельсы современности?

Лорд Годалминг лучезарно улыбнулся:

— Не знаю, что именно ты читаешь в прессе, Джек, но сказать, что палата лордов по самой своей организационной структуре не предрасположена к модернизации, значило бы сильно приуменьшить реальное положение дел.

За столом раздались согласные смешки, а профессор громко хмыкнул в знак солидарности.

— Достаточно будет сказать, — продолжал Артур, — что работы здесь мне на всю жизнь хватит.

— Вы, милорд, делаете очень много полезного, — сказал профессор со своей обычной старомодной учтивостью. — Только на прошлой неделе я слышал, как ваше имя упоминали в связи с этим идиотским «законом о чрезвычайном положении». Говорят, сэр, вы самый решительный его противник.

Джонатан жадно отхлебнул вина.

— Что за закон такой?

— Вы разве не слышали?

— Боюсь, скромные деревенские адвокаты вроде меня не в курсе последних законодательных инициатив.

Лорд Годалминг махнул рукой:

— Это, знаете ли, дело весьма сомнительное и постыдное.

— Продолжайте, — попросил мой муж. — Пожалуйста.

— Я даже не вполне уверен, откуда все пошло. Но в последнее время все чаще ведутся разговоры о том, чтобы вернуть один древний закон — а именно закон, предписывающий в кризисной ситуации лишать муниципальных органы всех полномочий и передавать всю власть некоему комитету, известному как Совет Этельстана. Так получилось, что я по рождению являюсь членом этого комитета. Хотя я категорически против самой идеи подобного властного органа.

— И правильно, милорд, — одобрил профессор.

Артур развил бы тему дальше, но Кэрри легонько коснулась его запястья:

— Давайте теперь поговорим о более приятных вещах. Мина? Джонатан? Вам по-прежнему нравится жить в деревне?

На фоне проблем государственной важности, описанных Артуром, наша жизнь кажется тихой и скучной, но друзья с интересом выслушали наш рассказ о безыскусных повседневных радостях, об адвокатской практике Джонатана, о школьных успехах Квинси и о моем уютом существовании в роли жены и матери.

Далее в разговор вступил взбодренный вином Джек Сьюворд и развлек нас несколькими забавными историями о своих клиентах, в частности весьма фривольной

историей об одной герцогине, которая для облегчения своего душевного состояния воображает себя китайским мопсом.

Затем заговорил профессор и для начала сообщил, что частично отошел от дел и много путешествует. Из уважения к нам с Джонатаном и из тактичности по отношению к Квинси он предпочел не останавливаться на характере своих текущих исследований и на цели своих путешествий.

Мы доели горячее и ждали следующего блюда, когда — по завершении рассказа Ван Хелсинга об одном из приключений бурной амстердамской юности — прелестная Кэрри чуть нервно кашлянула и произнесла:

— Прошу внимания!

Все взгляды обратились к ней.

— Я благодарю всех вас за чудесный вечер. Спасибо Харкерам, нашим замечательным, радушным хозяевам. Спасибо Квинси, сегодняшнему имениннику. Спасибо Джеку, нашему верному другу. Мы очень рады находиться среди вас.

— Верно, верно! — с излишней живостью воскликнул Джонатан и постучал вилкой по бокалу так громко, что я поморщилась.

— Мы с моим любимым мужем хотим сделать объявление. Радостное, хотя и несколько запоздалое объявление.

— Ах, моя дорогая! — встрепелась я, тотчас услышав в голосе Кэрри совершенно особый восторг, какой испытывали и мы с Джонатаном, когда только-только узнали, что у нас будет ребенок. — Неужели?..

Она кивнула, а Артур расплылся в счастливой мальчишеской улыбке, какой я у него еще ни разу не видела.

— Нет ни малейших сомнений, — сказала Кэрри. — Он должен родиться через шесть месяцев.

— Он или она, — с ласковым упреком поправил Артур.

— Нет-нет! — Единственная вертикальная морщинка обозначилась на лбу у Кэрри, когда она сдвинула брови с самым убежденным видом. — Это будет мальчик. Долгожданный наследник состояния Годалмингов.

При последних словах вся наша компания невольно испустила вопль одобрения, вслед за которым так и посыпались поздравления, похвалы, добрые пожелания.

Профессор вскочил на ноги и в своей эксцентричной манере оглушительно хлопал в ладоши, словно аплодируя в опере. Джек с искренней радостью тряс Артуру руку, Джонатан наполнял бокалы, провозглашал тосты и предлагал мужчинам выкурить по сигаре после ужина. Квинси с широкой улыбкой поздравлял Артура. Я крепко обняла Каролину, такую стройную и изящную, и ощутила ее теплое дыхание на своей щеке — а она, вероятно, ощутила мое на своей.

— Я очень рада за вас обоих, — сказала я. — Просто безмерно счастлива.

— Спасибо, но... Мина?

— Что?

— Но буду ли я?.. То есть как вы думаете, сумею ли я стать по-настоящему хорошей матерью?

— О, Кэрри, вы будете замечательной матерью, просто замечательной. Поверьте мне.

— Спасибо, — с облегчением проговорила она. — Вы всегда вселяете в меня оптимизм.

Я стиснула объятия чуть крепче, а потом отпустила Кэрри. Все вокруг продолжали бурно ликовать, даже котенок, разбуженный шумом, прыгал и скакал на полу, словно воздавая должное радостной новости. Думаю, сторонний человек сейчас принял бы нас за буйнопомешанных.

Ах, как хотелось бы бесконечно продлить ту счастливую минуту! Как хотелось бы вечно наслаждаться мгновениями радости!

Ибо уже миг спустя все переменялось.

Среди шума ликования вдруг раздался страшный сдавленный вскрик Ван Хелсинга. Все тотчас умолкли, только котенок растерянно мяукнул пару раз. Повернувшись к голландцу, мы увидели, что лицо у него побагровело, а тело сотрясает крупная дрожь.

— Профессор! — ахнул Джонатан, смертельно побледнев.

Из левого угла рта у Ван Хелсинга вытекла единственная струйка крови. Он хрипло вздохнул и с трудом выговорил следующие бессмысленные слова, свидетельствующие о явном помрачении рассудка:

— Остерегайтесь... стригой... Белая башня... одноглазый...

Он нетвердо шагнул вперед, и доктор Сьюворд велел всем нам расступиться, чтобы дать профессору побольше воздуха. Но Ван Хелсинг сильно покачнулся и с размаху упал навзничь. Веки его затрепетали, он мучительно застонал, а потом устремил пристальный взгляд на Квинси и невнятно произнес:

— Ты... ты станешь сосудом, мой мальчик. Но тебе придется сражаться... биться за свою душу.

Договорив последнее слово своего странного послания, он слабо дернулся и затих. Сьюворд уже склонялся над ним, проверяя дыхание. Профессор еще дышит, сообщил он; с ним приключился какой-то ужасный припадок, надо перенести его в постель и безотлагательно вызвать врача, невзирая на неудобства и расходы.

Таким образом, наша веселая вечеринка закончилась печальнее некуда. Сейчас профессор лежит в нашей лучшей комнате на втором этаже, он до сих пор без сознания. Местный врач, доктор Скотт, приезжал и сделал все, что мог. Нам остается только ждать и надеяться, что организм Ван Хелсинга все-таки справится с болезнью и рано или поздно он очнется. Скотт не пытался скрыть от нас серьезность ситуации.

Годалминги по моему настоянию уехали. Я боялась, что подобные тяжелые сцены плохо подействуют на Кэрри, а ведь ей в ее положении совсем нельзя волноваться. Джек пока еще здесь и с профессиональным самообладанием делает все возможное, чтобы нас успокоить. Джонатан проводил врача, предварительно записав все рекомендации и с излишней пылкостью рассыпавшись в благодарностях за потраченное время и силы, и сейчас крепко спит, сморенный усталостью и вином, которое он продолжал поглощать бокал за бокалом даже после того, как профессора хватил удар. Я же не знаю, сумею ли вообще заснуть, когда Ван Хелсинг, этот мощный старик, лежит между жизнью и смертью в комнате над нами.

Но больше всего меня тревожит Квинси, бедный мальчик, для которого этот день должен был стать одним из счастливейших. Он даже не вскрикнул и вообще не выказал никаких признаков горя — просто весь побелел и молча ушел в свою комнату, один. Он увидел не только, как близкий человек, в известном смысле заменявший ему дедушку, страшно побагровел, затрясся и рухнул навзничь, но увидел также и душераздирающие последствия этого падения. Ибо когда мы подняли безжизненное тело профессора, то обнаружили под ним мертвого котенка Огюста, с раздавленным черепом, содержимое которого растеклось красной лужицей на полу нашей гостиной.

Барнс Дж.

Б 25 Дитя Дракулы : роман / Джонатан Барнс ; пер. с англ. М. Куренной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 576 с. : ил. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-20446-1

Больше десяти лет назад Джонатан и Мина Харкер победили в Трансильвании графа Дракулу и вернулись в Англию, чтобы начать нормальную жизнь.

Но в мире кровавой вражды и предрассудков даже у мертвых врагов долгая память. Встреча старых друзей оборачивается внезапной трагедией, бесстрашный натуралист привозит с континента в Англию летучую мышь новой породы, двое случайно встретившихся в восточноевропейской глубинке английских джентльменов будто бы ненароком пробуждают древнее зло — и вот уже тьма наползает на британский архипелаг. А в странном недомогании молодой невесты лорда Годалминга Мина Харкер видит что-то пугающе знакомое...

«Шедевр современной готики. История настолько увлекательная, будто ее написал сам Брэм Стокер» (*Risingshadow*).

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДЖОНАТАН БАРНС
ДИТЯ ДРАКУЛЫ

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Маргарита Ахметова, Ольга Попова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 17.03.2023. Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 35,28.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ABB-29298-01-R